

УДК: 325.1 + 327

ЕГИМБАЕВ К.К.¹

ПОСТСОВРЕМЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В статье на основе материалов круглых столов и международных конференций, обсуждений в СМИ дается анализ появления религиозного экстремизма в лице ваххабизма и салафизма, истоки, характер и сущность проявления в Центральной Азии. Анализ показывает, что при помощи положений Корана, хадисов, мусульманской литературы делается попытка легитимизировать вооруженное насилие и наполнение сайтов активно связано с повседневной жизнью и жизненными интересами любого человека, в связи с чем, образ жизни ваххабитов и салафитов постепенно внедряется в сознание обычных мусульман и становится привлекательным для «новообращенных». Их представители активно пропагандируют неприятие алкоголя, наркотиков, обмана в бизнесе, разврата и др. Делаются противопоставления «правильного» салафитского общества в противовес официальному государству, якобы погрязшему в беззаконии и коррупции. Они все больше ориентируются на занятие общественной и политической деятельностью.

Ключевые слова: ваххабизм, салафизм, экстремизм, политизированный ислам.

Общеизвестно, что в современных условиях реальную угрозу, как для всего мирового сообщества, так и национальной безопасности того или иного государства, его территориальной целостности, конституционных прав и свобод граждан представляет экстремизм в различных формах его проявления. Особо опасен экстремизм, прикрывающийся религиозными лозунгами, ведущий к возникновению и эскалации межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

Религиозный экстремизм в Центральной Азии со своей коммуникативной природе опасен именно тем, что прикрываясь религиозными лозунгами, становится неким пространством, объединяющим определенную часть несогласных, представляющий потенциальную опасность для системы региональной безопасности. По мнению российского исследователя А.Кураева, «мир будущего во многом зависит от того, какой тип ислама победит в Евразии. Это означает, что решающим фактором является то, что сейчас с проповедью от имени Аллаха сюда придет: будут ли это мусульмане, воспитанных в ваххабитских экстремистски настроенных образовательных заведениях, или приверженцы афганского движения «Талибан», или здесь возродится подлинная философская традиция ислама, традиция Авиценны» [7]. К сожалению прав А.Кураев, так как происходящие трансформационные процессы на региональном уровне с традиционными «мазхабами», с очевидностью показывает, что в условиях последнего витка глобализации, которая ведет к максимальной универсализации религии, она, в том числе и ее «мазхабы» освобождаются от традиционной специфики своих последователей, от особенностей той территории, которая религию исповедует. Следовательно, наблюдается все большая оторванность сфер профанного и сакрального друг от друга, повешение трансцендентности, внемирности религий, что провоцирует усиление их экстремистического потенциала.

¹ Адрес для корреспонденции: Егимбаев К.К. Соискатель Института философии, политологии и права им.А.Баховаддинова АН РТ.

Иными словами, в процессе глобализации внешние факторы становятся причиной не только возникновения и развития радикально-религиозной идеологии, чуждой для традиционного ислама, но и сам традиционный ислам находится в состоянии оторванности от той основы, которая была заложена в течении нескольких столетий. Это уже ослабление роли традиционного ислама в регионе. Это реальная угроза для религиозной идентичности населения стран Центральной Азии. Даже некоторые политические силы стран региона сознательно ускоряют этот процесс, чтобы избавиться от традиционного ислама и внедрить основы фундаментализма (салафизма) и его проявления в форме ваххабизма. Зная о философии этого двойного стандарта, быстрым темпом развивается салафитско-ваххабитский радикализм и др.

Следует отметить, что радикальные и экстремистские субъекты являются наиболее активной и самой малочисленной частью исламского движения в Центральной Азии. Следует, однако, отметить, что многие отождествляют понятия «исламский радикализм» и «исламский экстремизм». Такой подход представляется несколько неполным, поскольку не отражает в полной мере сути, как первой, так и второй группы субъектов движения, между которыми существуют как сходства на уровне стратегии ведения политической борьбы, так и различия на уровне тактики [6].

Ведущие специалисты в этой области к категории субъектов радикального ислама (фундаментализма) относят исламские политические организации, партии и движения, прибегающие в практике своей деятельности к относительно мирным, не насильственным, но противоправным методам ведения политической борьбы (несанкционированные властями демонстрации протеста, незаконное распространение агитационных материалов и другие акции). К этой группе субъектов относятся исламские партии и движения, которые возникли в странах Центральной Азии после 1991 г. на легальной основе и на первых порах не вступали в конфронтацию с властями, ратовавшие за наведение порядка во всех сферах общественной жизни. Со временем, по мере прекращения эффективного диалога с государством, наиболее радикальные и непримиримые субъекты этой группы ушли в подполье, тогда как менее фанатично настроенные постепенно перешли на позиции конформизма, инкорпорировались в структуры власти (парламенты и органы местного самоуправления) и продолжали вести диалог с властями. В группу субъектов экстремистского ислама, напротив, входили исламские политические организации, партии и движения, также стоящие на позициях исламского радикализма, но, в отличие от радикальных субъектов, использовали в практике своей деятельности противозаконные насильственные и диверсионно-террористические методы достижения своих целей. К экстремистским субъектам исламского движения в Центральной Азии следует отнести те партии и движения, которые, появившись вначале 1990-х гг. как субъекты радикального ислама, впоследствии стали прибегать к тактике ведения диверсионно-террористической войны [9].

В ситуации системного кризиса в период постсоциализма элементы фундаменталистского сознания верующих оказались благодатной почвой для развития на их базе радикального исламского (неоваххабитского) сознания. Таким образом, при полном отсутствии модернистских реформаторских процессов в Центральноазиатском регионе религиозное сознание оказалось представленным лишь двумя его типами традиционными тяготеющим к фундаментализму и экстремизму - ваххабизм. Радикализация верующих, их отход от классических принципов традиционализма обуславливались, в том числе, и неустойчивостью официальных исламских структур - духовных управлений мусульман, которые, погрязнув в борьбе с неоваххабитами и междоусобных дрязгах, все более политизировались и одновременно, утрачивая авторитет, дистанцировались от рядовых верующих [13]. Некоторая часть молодежи стран региона

разочаровавшаяся в официальном духовенстве и его интерпретации ислама, пополняли ряды протестных движений и группировок в поисках свежей мысли и возможности принять участие в «джихаде». Подрастающее поколение начало искать в исламе свежесть, гибкость и чистоту, стремилось преодолеть «узкомечетские» рамки, а также расширить границы собственного мусульманского сознания до международного уровня. Именно по этим причинам молодежь все чаще обращалась не к местным имамам и духовным лидерам, а к признанным мировым авторитетам, пытаясь найти выход на международный, планетарный уровень.

Важную роль в процессе радикализации исламского движения в Центральной Азии сыграли, безусловно, устойчивые связи мусульманских радикалов Центральной Азии с афганскими боевиками, начали укрепляться в 1989-91 гг., когда многие ваххабиты региона отправились добровольцами в Афганистан для участия в «джихаде» против «империи куфра» - Советского Союза. Вывод ограниченного контингента советской армии из Афганистана в августе 1989 г. поднял моральный дух «муджахедов», вселив в них надежды на скорое освобождение от коммунистической идеологии.

Реальным доказательством и отзвуком политики радикализации явились события 1990-91 гг. в Таджикистане, когда в республике, граничащей с беспокойным Афганистаном получили свое оформление и развитие террористические группировки и т.н. «ваххабиты». Они проводили политику планомерного «отстрела» «врагов ислама» (военнослужащие, представителей местной милиции и спецслужб).

Таким образом, кардинальные изменения в структуре и качестве исламского движения на постсоветском Центральной Азии привели к тому, что ее традиционная составляющая постепенно размывалась, все более заметным стал отрыв представителей «официального» ислама от масс верующих. Сознание последних, особенно в горных и предгорных районах, прежде всего, молодежи, все более наполняется фундаменталистским содержанием.

В рамках своей теории единобожия они категорически осуждают культ святых в исламе, в том числе они выступают против признания культа святых и паломничества к гробницам святых, против обетов, жертвоприношений и просьб о помощи. По их мнению, это является отходом от главного принципа ислама - единобожия. Чрезмерное признание и почитание праведников, сподвижников и святых приводит к передаче атрибутов Бога его творениям, что противоположно концепции мировоззрения.

Ваххабизм бесспорно есть партия войны. Он в своей сущности есть западный протестантизм с целью уничтожению ислама как религии, и существующих его мазхабов, в особенности ханафизма. Этот тезис требует доказательства, причем научного.

Мировоззренческими предпосылками этого течения являются радикализм, догматизм, фанатизм, убежденность в обладании абсолютной истиной, миссионерство, эсхатологические ожидания. Ваххабизм будто бы чувствует себя ответственным перед Богом за души доверенных им людьми. В реальности у него ответственность перед своей идеологией, которая прикрывается лозунгами из Священного писания. Поэтому считает себя вправе противодействовать с помощью насильственных мер тому, чтобы его последователи не оказались на «ложном» пути в своей вере, и применять по отношению к ним спасательные средства. По их идеологии гуманизм кончается на границах его собственной веры. Здесь, ваххабиты, для более достоверного убеждения используют тезис о «греховности» неверных (кстати, для ваххабитов, кроме самих ваххабитов все являются неверными) как основной причине совершения правоверными насилия.

Корни идеи фундаментализма в форме ваххабизма были заложены в странах Центральной Азии еще в период существования Советской власти.

В 1980-е гг. среди советских мусульман, в том числе и среднеазиатских, стали распространяться идеи фундаментализма. Сторонники «чистого ислама» отличались от основной массы верующих активным неприятием «безбожных» общества и государства, оппозицией к «официальному» мусульманскому духовенству и критическим отношением к «традиционному народному исламу». За ними закрепилось наименование «ваххабитов», хотя они себя таковыми не всегда считали и в отличие от «истинных ваххабитов» не принадлежали к ханбалитскому мазхабу [4,6]. В 1990-е гг. Центральная Азия и Северный Кавказ стали регионами, где конфронтация между сторонниками «чистого» и «традиционного» ислама стала наиболее острой.

Ваххабиты как последователи салафизма особенно начали проникать в религиозную жизнь бывших республик СССР в период горбачевской перестройки. По замечанию Вантала Серба ваххабизм в современную эпоху «активизировался своей деятельностью не в глубине мусульманского мира, а на стыке ислама и иных религиозных конфессий: в Афганистане и в Средней Азии, где смыкается буддизм, индуизм Индии и православие русскоязычного населения среднеазиатских республик» [12,2].

С распадом СССР в странах Центральной Азии начался некий процесс религиозного активизма и этим воспользовались зарубежные религиозные центры. В регион потянулись турецкие и арабские проповедники, а некоторые молодые жители региона отправились изучать ислам в арабские страны, где их, буквально по самую макушку, напичкали идеологией ваххабизма. Вернувшись на родину, они заняли видные посты в системе духовного правления мусульман, и распространение ваххабизма продолжилось просто ударными темпами. Уже к настоящему времени, среди последователей ваххабизма, появились бизнесмены и чиновники, произошло сращивание бюрократии, бизнеса и ваххабитского духовенства в так называемый «ваххабитский холдинг».

Сейчас трудно определить, что сколько процентов центральнoазиатских мусульман составляют ваххабиты, однако по данным Фариды Хазрата Салмана, «уже до 40% российских мусульман являются сторонниками ваххабизма. ...» [10]. Следует отметить, что еще в 1985 году одно из таких радикальных движений региона - ваххабиты распространяясь в Таджикистане уже к 1992 г. дошло до Ферганской области, оно затронуло Ош и некоторые другие южные города Кыргызстана и поэтапно ваххабиты начали возводить мечети и медресе, чтобы приобщить киргизов к исламу и воспрепятствовать деятельности западных христианских фундаменталистов и миссионеров, особенно активных в этой стране.

Важной особенностью этих религиозно-политических организаций экстремистского толка в регионе являлся наличие в ней фактически двух организаций — открытой и тайной, законспирированной, что облегчало им политическое маневрирование и помогало быстро менять методы деятельности при изменении обстановки [1,12]. В частности, в случае с Кыргызстаном можно говорить о двух возможностях для традиционной религии и экстремистского движения - ваххабизм, играющий терапевтическую или критическую (разрушительную) роль. Поскольку роль традиционной религии в форме мазхаба Абу Ханифы в Кыргызстане была очень слаба и второстепенна, что является особенностью кочевых народов Центральной Азии, ваххабиты брали на себя и первую, и вторую обязанности. В рамках терапевтической роли это движение брало на себя оптимизацию поведения человека (т.е. общества), которое в известной мере дополняет прагматически ориентированное поведение. Критическая роль для ваххабитов Кыргызстана заключалась в «выражении мнения несогласных». Кстати, такая роль есть нечто совершенно специфичное для религии (в данном случае для ваххабизма) как таковой, для ее традиционной и исконной функции скрепления общества, поддержания ее системных оснований, выражающихся в правовых институтах, культурных нормах и т.д. Такая

главенствующая роль ваххабизма определена не только для Кыргызстана, но и всей Центральной Азии. Для большей достоверности это движение одновременно действовало также и под прикрытием националистических лозунгов, которых присвоили у национально-патриотических движений.

По справедливому замечанию российского исследователя А.В.Малашенко «в мировоззрении мусульманского индивида, как и в коллективном сознании каждой отдельно взятой мусульманской общины, во все времена было заложено противоречие между частным (этническим, региональным) и общеисламским, одним из проявлений чего и является диалектическая дихотомия традиционализма салафийя (фундаментализм)» [8,65]. Заметим, что начиная еще с 1986 г. такой метод был апробирован в Таджикистане, и давал хорошие результаты, превращаясь в религиозно-националистический экстремизм. Религиозно-националистический экстремизм, как правило, живет настоящим. Основная цель его: выжить, сохранить свой этнос, отстоять право на автономное существование. Экстремистские лозунги направлены, как правило, на очистку исконно национальных территории от чужеродного элемента. В идеале - создание собственного национального государства с религиозной окраской. Религиозно-националистический экстремизм не нуждается в сложных метафизических или идеологических построениях. Однако активно прибегает к ним в «прикладных» целях: получению внешней помощи, достижению определенного психологического состояния, укреплению морального духа.

Итак, ваххабизм, одновременно играя на религиозно-националистических чувствах народов, населяющих Центральной Азии, поэтапно проникая как радикальная форма ислама, и его учение, привнесенное в иные условия, трансформировалось и резко радикализировалось в условиях современной ситуации региона. Исходя из этого, движение ваххабизм почти во всех странах региона запрещено. Так, 08.01.2009 г. по иску генпрокурора Верховный Суд Таджикистана принял решение о запрете деятельности религиозного движения «Салафия» в стране.

В последние годы дискуссии по поводу, ваххабизма в Центральной Азии стали менее активными, т.к. они заменились новой проблемой - салафизмом и расширением диапазона действия различных религиозных угроз (от политической деятельности «Хизбу-т-тахрир» до совершения преступлений на религиозной почве и сращивания религиозного компонента с этническим).

Что касается Центральной Азии, то ваххабизм стал здесь некоей почвой, матрицей для благоприятного распространения радикального и воинствующего ислама в форме салафизма. Более того, в годы гражданской войны в Таджикистане они стали причиной противостояния не только с традиционным исламом, но и с гражданским обществом. Исходя из этого, они были вынуждены использовать термин «салафийя».

Распространяемый на территории Центральной Азии ваххабизм или салафизм в современном его виде представляет собой отнюдь не религиозное учение, а является самой настоящей экстремистской политической идеологией. Его программное содержание, а также модель достижения поставленных политических целей, построены на аналогичной, ксенофобской (или если быть более точным ксенофобско - экспансионистской) по своему характеру мировоззренческой концепции. В связи с чем, делается заключение, что правительства этих стран должны скоординировать свои действия совместно с духовенством в борьбе против салафизма и ваххабизма. Необходимо просвещение молодежи и агитация их на светскую жизнь.

Литературы

1. Авцинова Г.И. Экстремизм политический: реалии и мифы//Мир современной науки.
2. Бабаджанов Б. Среднеазиатское духовное управление мусульман: предыстория и последствия распада/Многомерные границы Центральной Азии/Под ред.М.Б.Олкотт и А.Малашенко; Моек. Центр Карнеги. - М.: Гендальф, 2000 и др.
3. Бовал В. Ваххабизм - традиция лжи и насилия. - С.5-6; 1ам же.. h 11 г» •
//www. sn fi zm. ru/lib/warnin g/muftyi/; http://hadzignv.org/istoriya-islam^Z_—z_vahhabizm.htmk
<http://mission-center.com/ru/traditional/394-islam/1014-sai-vahhabizm>, bttp-
//a_hna/ir/print.ast)?lamg=4&ib=3253,68;
4. Васнецова А.С. Ваххабизм в России: характеристика, взаимосвязь с терроризмом и экстремизмом, перспективы государственного регулирования//Журнал «Социодинамика». 2013, №11. - С.6.
5. Добаев И.П. Исламский радикализм: социально-философский анализ, С.oz.
6. Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе/Центральная Азия и Кавказ. - №2(8)*
7. Кунаев А.Интервью. <http://Kaz.gazeta.Kz/news/alemning-bolashaghy-euraziya-kenistinde-isiarnyng-dandajj-turiornauyna-bajjlanysty-resejjhk-dhalym-dmtanushy-news>
8. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. - М.: «Гендальф», 2001. - С.65.
9. Полонская Л.Р. Современный исламский фундаментализм: альтернатива развития //Азия и Африка сегодня. - 1994. №11, Сыван Ц; «Радикальный ислам»: причины и последствия террористического насилия // Шегпайопal Politic. 1997, № 8; Хрестоматия по исламу. Пер.с араб. - М.. Эткин
- 10.Россия и ваххабизм//Материалы круглого стола «Международное сотрудничество и его роль в борьбе с терроризмом/Русская историческая библиотека // <http://reshist.cpm/index.php/articles/1434-rossiya-i-vahhabizm>.
- 11.Сагадеев А. «Исламский фундаментализм»: жизненный факт или пропагандистская фикция?//Россия и мусульманский мир. - 1993, № 1 и др.
12. Сорб Вантала. Ваххабизм, как идеологическое оружие ЦРУ, факты/Проза-ру/<http://www.proza.ru/2004/07/04-54>. - С.2.
13. Эткин М. Ваххабизм и фундаментализм: термины - «страшилки» // Центральная Азия и Кавказ. - 2000, №1(7);
14. Эткин М. Ваххабизм и фундаментализм: термины - «страшилки»//Центральная Азия и Кавказ. — 2000, №1(7);
- 15.Юнусова А. Ислам в контексте современных этнополитических процессов России/Ислам в Евразии/Под ред. М.В.Иордана. - М: «Прогресс - Традиция», 2001;

ЕГИМБАЕВ К.К.

ЧАРАЁНҲОИ БАЪДИШҶУРАВИИ ЭКСТРЕМИЗМИ ДИНӢ ДАР ОСИЁИ МАРКАЗӢ

Дар мақола дар асоси маводҳои мизҳои мудаваар, конференсияҳои байналмилалӣ, баҳсҳо дар ВАО ваҳҳобия ва салафия ҳамчун падидаи экстремизми динӣ таҳлил карда шуда, сарчашмаҳо, намуд ва моқияти он дар Осиеи марказӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Таҳлил нишон медиҳад, ки намояндагони салафия ва ваҳҳобия кӯшиш ба харҷ медиҳанд, ки дар асоси Қуръон, ҳадис, адабиёти исломӣ рӯровариро мехоҳанд ҳамчун чизи қонунӣ нишон диҳанд. Дар сомонаҳои худ онҳо гӯё бо майзадагию истифодаи маводи муҳаддир мубориза мебарда бошанд, чомеаи имрӯзаро танқид намуда, аз вазнинию норозигии мардум сӯистифода мебаранд. Бо чунин рафтори худ онҳо бештар ҷавононро ба доми худ мекашанд. Чараёни «дурусти» салафияро ба муқобили давлату ҳукумат мегузоранду дар чомеа ихтилоф ба вучуд меоранд. Тамоми кӯшишҳои ин чараёнҳои ифротӣ ба даст даровардани ҳокимият равона шудааст.

Калидвожаҳо: ваҳҳобия, салафия, экстремизм, исломи сиёсӣ.

POSTMODERN MOVEMENT OF RELIGIOUS EXTREMISM IN CENTRAL ASIA

The following article, on the basis of roundtables, international conferences, and discussions in the media, analyzes the emergence of religious extremism in the name of wahhabism and salafism, their origins, nature and essence of manifestation in Central Asia. The analysis shows that by using the provisions of the Quran, hadith, and Islamic literature, attempts are made to legitimize armed violence, using websites that are frequently visited and are of vital interests to any person, and consequently, the lives of Wahhabis and Salafis are gradually introduced in the minds of ordinary Muslims and become attractive for “new converts”. Their representatives actively promote the unacceptability of alcohol, drugs, cheating in business, perversion, etc. Contrasts are made on the “correct” Salafi community as opposed to the official state, which is supposedly mired in lawlessness and corruption. They are becoming more oriented towards engaging in public and political activities.

Keywords: wahhabism, salafism, extremism, politicized Islam